

Глеб Глинка

(1903 – 1989)

Стихотворения

Русский поэт Глеб Александрович Глинка

Антология русской поэзии 20-го века была бы не полной без имен, возвращенных нам в конце 80-х, но если Гумилев, Ходасевич, Вагинов и обериуты прочно прописались на наших полках, то писатели русского зарубежья возвращались на Родину подчас своим и непростым путем. Ценимые часто в узком кругу, они, тем не менее, должны восполнить бреши в общественном сознании, которые – в противном случае – будут заняты чем-то другим и недостоверным. Знать своих поэтов нам особенно важно, если мы ценим преемственность, связывая поэзию современную с ее предшественниками из 30-х, 40-х и 50-х.

Глеб Александрович Глинка (1903 – 1989) – потомок знаменитого смоленского рода Глинок, родился в Симбирске в небогатой дворянской семье. Его отец, Александр Сергеевич – известный критик, писавший под псевдонимом Волжский – вероятно повлиял на раннее увлечение стихами. После окончания школы в Москве, Глеб Глинка поступает в Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова (ВЛХИ), который оканчивает в 1925 г. В 1920-е годы вступает в литературную группу «Перевал», сотрудничает с журналами «Новый мир», «Красная новь», «Молодая гвардия» и др. Выпускает несколько сборников стихов, в 1932-м вступает в Союз писателей, а в 1934-м становится старшим консультантом издательства «Советский писатель». Уже перед самой Великой Отечественной войной готовит к печати работу о теории стиха, судьба которой по сей день неизвестна. О посещении Глинки в издательстве «Советский писатель» Евгением Веденским и Николаем Глазковым упоминает Евгений Евтушенко в антологии «Десять веков русской поэзии»: «Там было несколько консультантов, но особенный интерес, пожалуй, вызвал у нас с Глазковым Глеб Александрович Глинка, – рассказывает Веденский. – Произведения он разбирал вдумчиво, неторопливо. Некоторым авторам давал разнос, да такой, что те больше у него не появлялись. Мы пока оставались только зрителями. Велико было наше удивление, когда Глинка подошел к нам и сказал: «Вы ведь тоже поэты, так прочтите мне что-нибудь». Глазков приосанился и шепнул мне: «Прочту ему самые противоестественные». Прочел он свой первый «Манифест» и еще кое-что. Неожиданно Глинка схватил Колю за руку и воскликнул: «Да ведь Вы настоящий поэт! – и добавил: – Очень хочется с Вами поговорить. Приходите ко мне. Вот мой адрес». Мы бывали много раз у Глеба Алексан-

дровича. Это был приземистый человек лет пятидесяти с небольшим. Занимал он небольшую комнату (насколько я помню, десятиметровую) в коммунальной квартире на Новинском бульваре. Стихи он знал великолепно и также их читал. Особенно хорошо Пушкина и Блока...»

В июле 1941 г. Глинка вступает в ряды ополчения вместе с другими писателями, однако уже осенью под Вязьмой добровольцы попадают в окружение. Многие гибнут, пропадают без вести. Глинка оказывается в плену, сидит в немецких концлагерях, наконец, его освобождают союзники. Живет в Бельгии, женится. Затем вместе с семьей переезжает в Штаты. По некоторым источникам (фактического подтверждения нет), Глинка мог сотрудничать в газете для заключенных (псевдоним – Г.Г.) – отсюда и нежелание властей печатать на родине. В Америке поэт вновь занялся литературой – неоднократно печатает стихи в «Новом журнале», издает книгу воспоминаний и два поэтических сборника «В тени» (1968) и «Было завтра» (1972). Сын поэта, Глеб Глебович уже в постсоветское время, приехав в Киев, знакомится с будущей женой Елизаветой – впоследствии Доктором Лизой.

Герман Власов (Москва)

Истоки

*В поэзии я знаю толк,
Но не судья своим твореньям.
В словесных дебрях старый волк
Чутьем находит вдохновенье.
Лететь ли в бездну или ввысь –
Суть, разумеется, не в этом.
Без мастерства не обойтись
Ни акробату, ни поэту.
В стихах вне ритма колдовства
Расчеты замысла бессильны.
Глухие, нищие слова –
Как надпись на плите могильной.
Победный петушиный крик
Моей чужд лире невеселой,
И если дар мой невелик,
Всё ж я поэт суровой школы.
Среди марксистской шелухи,
В эпоху примитивных вкусов
Меня учил писать стихи
Валерий Яковлевич Брюсов.*

Мечтатель

Не то, чтоб жить, а так – ошибкой
Не наяву и не во сне
Стоять с мечтательной улыбкой,
Прижавшись к каменной стене.
И, зимней упиваясь негой,
Вдыхая побелевший пар,
Смотреть, как серебристым снегом
Напудрен скользкий тротуар.

Одиночество

Снег первый, нежный легче пуха
Летит на голые поля.
Иду, и под ногами глухо
Стучит остывшая земля.
Я сам бежал сюда от страстных
Любимых рук, и вот один
Брожу с ружьем в просторах ясных
Средь вечеряющих равнин.
Теперь мне не горька утрата.
Жизнь стала проще и ровней.

Я даже не хочу возврата
Так быстро промелькнувших дней.
Скорей туда, простясь с мечтами,
Где листьев шелест, сосен стон,
Где обнаженными ветвями
Качает почерневший клен.
Лес полон шорохов и хруста,
И резок ветер в октябре,
А в сердце холодно и пусто,
Как в лисьей брошенной норе.

Раздетое окно

Чтоб быта жалкий прах
Не столь казался мерзок,
Ни в жизни, ни в стихах
Нельзя ж без занавесок.
Но выбито стекло.
Упрямый ветер резко,
Со зла или назло,
Играет занавеской.
Пусть на ковре, как лед,
Куски стекла. В отместку
Залез я на комод
И сбросил занавеску.

Зависть

Остроноса, утла, лыса,
На тропинку вышла крыса.
А потом беда к беде,
Словно дождик по воде.
Журавлины длинны ноги
Не нашли пути–дороги.
Расширяются круги...
Всё не так, как у других.

Освобождение

Я вырвался из плена,
Как ветер на простор.
Теперь мне по колено
Вершины снежных гор.
Воспоминанья тают,
Все горести забыл.
Не чуя ног, летаю,
Парю, не зная крыл.

Так празднично и ярко,
Нет никаких забот;
Устои все насмарку,
Навыорот, вразброд.
Лишь где-то еле-еле
Сомненье: странный свет?..
Такого в самом деле
В земной юдоли нет.

Стихия

Ветер ежился и хмыкал.
Беспорядочно, вне норм,
Писком птичьим, львиным рыком
Разворачивался шторм.
Загоняя в пятки душу,
Торжеством победы пьян,
Опрокинулся над сушей
Первобытный океан.
Непонятно, елки-палки,
Как же так, в двадцатый век?..
И стоит среди поля жалкий,
Беззащитный человек.

Льды

Прислушайся... Ты слышишь треск в туманах?..
Смертельный холод чувствуешь ли ты?..
Из всех открытых нами океанов
На человека двигаются льды.

А мы еще грустим, и негодуем,
И ссоримся по мелочам...
Никто не даст нам молодость другую,
И не придет. И не поможет нам.

На лесном кордоне

Эти лесные громады,
Эти глухие края –
Здесь заплуталась когда-то
Робкая юность моя.
Корни раскинули жадно
Мохом поросшие пни.
Здесь и темно, и прохладно
В самые жаркие дни.
Здесь глухаринные зори.
Ключья тумана седы.
Здесь на сыром косогоре
Стынут медвежьи следы.
Здесь над болотной трясиной,
Листьями окружена,
Сквозь поредевший осинник
Бледная смотрит луна.
Много заросших дорожек...
И обращен на закат

Подслеповатых окошек
Остановившийся взгляд.
В хижине тихо и бедно.
Мир постаревший, родной.
Время совсем незаметно
Где-то летит стороной.
Может быть, не было вовсе
Улиц, трамваев, огней...
Были медведи и лоси,
Были тока глухарей.
Годы трудов и стараний.
Счастья багаж невелик:
Ворох любимых писаний,
Горы прочитанных книг.
Запах полыни и сена
Страстно вдыхаю опять.
Знаю, вернусь непременно
В эти края умирать.

Привал

Я пережил всё это снова –
Сложил в овражке, где кусты,
Вязанку хвороста сухого,
Немного сена, бересты.

Поджег – и пламя заметалось.
Глаза колючий ест дымок.
И легкая в ногах усталость,
И запах дегтя от сапог.
Сухие листья сыплет осень.
Блестит спокойная река.
И солнце, и иголки сосен,
И перистые облака.
Всё тихо. Веет лесом старым.
Орешник ржавчиной покрыт.
Костер огромный пышет жаром
И чайник весело кипит.

На реке

Сухие опавшие листья
По склону оврага шуршат,
Как шкура огромная лисья –
Осеннего леса наряд.
Поникшие гроздья рябины
И ветра пронзительный свист.
Качнется верхушка осины,
Закружится сорванный лист.
Бродить здесь, дороги не зная,
И выйти к холодной реке,
Следы сапога оставляя
На влажном и мягком песке.
Поднимутся утки станицей –
И треснет удар над водой.
За мертвой распластанной птицей
Дым стелется лентой седой.
Неловко в растянутой сетке
Застрянет пуховый комок,
Закапает густо и редко
Остывшая кровь на сапог.
Далекие смутные звуки,
В ушах после выстрела звон.
И дрогнут намокшие руки,
Вставляя блестящий патрон.

Промях

Вода блестящая, как деготь,
Болота ржавого покой.
Стволы ружья приятно трогать
Нетерпеливою рукой.
Кофейный пойнтер средь осоки
Мелькает. Прихватил. Ведет
И стал у кочки близ дороги,
Я приготовился: вперед!
Из-за куста, как ветер быстрый,
Мелькнул серебряный бекас...
Ударил одинокий выстрел,
Вдаль раскатился и погас.
И тихо всё. Собака снова
Идет и ищет. Я смущен.
Вдали синееет бор сосновый.
В руке зажат пустой патрон.

Чучело

Тени ложатся, как сети.
Письменный стол у стены.
В пасмурном, утреннем свете
Листья бумаги бледны.
А над бумагой ютятся,
Телом колючим шурша,
Старое чучело птицы,
Тетерева – черныша.
Молью изъедены крылья,
Выцвели дуги бровей.
Перья, покрытые пылью,
Стали, как будто, светлей.
Очень давно это было.
В хвойной дремучей глуши
Пела весенняя сила
Тетеревиной души.
В лес уходил я с двустволкой.
Нежил лицо ветерок.

Раз на поляне за елкой
Я черныша подстерег.
Видел он после немного.
Трудное было житье:
Бедность, стихи и тревога.
Вскоре я продал ружье.
Нет ни обиды, ни злобы;
Груды бумаги, как снег.
Стали мы старыми оба –
Тетерев и человек.
Думаешь, жив я, – а если
Здесь в кабинетной тиши,
Чучело в кожаном кресле
Без человеческой души...
Дождик в окошко стучится,
В комнате сизый рассвет,
Мертвая, пыльная птица
И сумасшедший поэт.

Письмо красноармейца

Военную, увы, свершить карьеру
Судьба меня неожиданно обрекла,
Но, сникший, в счастье потерявший веру,
Я вам пишу из дальнего угла.
Покинутый и музой, и друзьями,
Заброшенный неведомо куда,
Остриженный, с ушами обезьяны,
Пока я просто рядовой солдат.
Вокруг меня всё новое, чужое:
Другие люди, зданья, города.
На мне шинель ужасного покроя,
А вместо сердца – красная звезда.

Бывший Печорин

Что ни год, то моложе,
На десятке восьмом,
Без мундира – он всё же
Статным был молодцом.
Не умом жил, а чувством –
Без руля и ветрил,
С прирожденным беспутством
Княжий титул носил.
Был любителем истым
Трехэтажных словес.
Крайним слыл монархистом
Без царя в голове.
Есть и хуже, и лучше...
Всяк на разный покррой
В разобщении сущий
Эмигрантский герой.

Близнецы

У смерти и любви
Один и тот же нрав.

Они, как ни живи,
Придут вне норм и прав.
Душа тревогу бьет,
Бунтуя и горя,
Почуя их полет –
Зигзаг нетопыря.
Висит над жизнью сеть
Предчувствия беды.
Любовь – прыжок в бассейн,
В котором нет воды.

MINISKIRTS

Жара, словно летом,
Тела обнажились.
Откуда всё это?..
Скажите на милость.
Юбчонки покроя
Тюльпанов и лилий,
Сиянье сплошное
И цвета, и линий.
В сетях вождельня,
У похоти в лапах,
Вдыхаю цветенья
Весеннего запаха.
Забыв о приличье,
Смотрю непрестанно
На ноги девичьи,
Как кот на сметану.

Портрет

В. О.

Быть американкой
Ей не по нутру:
Вместо храмов – банки,
Вместо счастья – труд.
Тонкая, как птица

Из волшебных стран;
Только не летится
Ей за океан.
Как в сухом болотце,
В непроглядной мгле,
Тяжко ей живется
На родной земле.
Она в дымке грустной,
Мучаясь, любя,
Безраздельно русской
Чувствует себя.
Что же делать, братцы,
Я ей не судья,
Мне ведь тоже снятся
Дальние края.

Соблазны

Вырыты, вздыблены
Корни исконные:
Розанов выболтал
«Уединенное».
Дрогнули истины
Нравоучения:
С бездной таинственной
Сладко общение.
Манит опасное,
Завороженное
«В мире неясного
И нерешенного».

Юность

Какие-то крыши, хоругви
Стоят в золотом сквозняке...
И пыльные зайчики пугвиц,
И пятна чернил на руке.
Ах, да... И суха мостовая.

И муха, что бьется в стекле.
И воздух с гуденьем трамвая.
И весь подоконник в тепле –
Толчется от солнца, от рани...
Ах, Нижний! Вот чудится мне:
Губернский подснежник в стакане
Забыт на раскрытом окне.

Рождение образа

Морозное яркое утро.
Забрать бы ружье – и уйти,
И смело, уверенно, мудро
Шагать по земному пути.
На снежной бумаге по краю –
Не строчки, а заячий след,
Я заново мир открываю,
Охотник, бродяга, поэт.
Мечте среди снега отрадно,
Как белке, как юному псу,
И дышится остро и жадно
В холодном стеклянном лесу.
А мысль русаком из оврага
Мелькнет меж сугробов – и нет
И только исчертит бумагу
Неровно наброшенный след.
И тут удивишься до боли,
И жалость и счастье до слез.
Такой замечательный в поле,
Воистину русский мороз.